

А.В.Подзоров (11 класс, Аничков лицей),
Н.Ф.Трубицын, зав. отд. науки ГОУ “СПбГДТЮ”

ОККУЛЬТНЫЕ ИСТОКИ КЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ: ГЕРМЕС ТРИСМЕГИСТ И РЕНЕ ДЕКАРТ

В историографии науки влияние на генезис ее религиозных и теологических факторов издавна рассматривалось учеными в различных аспектах. Вопрос о роли герметической традиции в отношении науки Нового времени приобрел особую остроту после появления в 1964 году книги историка культуры Возрождения Йейтс “Джордано Бруно и герметическая традиция”. Эта книга дала суггестивный толчок к полемическому изучению проблемы сохранения и развития герметизма, продолжающемуся и до нашего времени, стимулировав детальное рассмотрение непростых связей эзотерической науки и науки экзотерической.

На пороге XXI века мы находимся уже за пределами классического естествознания, в науке неклассической и неонеклассической, и можем взглянуть на него как бы извне, со стороны, что, несомненно, дает нам некоторые преимущества в анализе науки вообще и религиозно-философских предпосылок ее генезиса в частности, так что подобная вненаходимость обуславливает самоотстраненное отношение к предмету исследования и способствует лучшему пониманию его характеристик.

Став учением о движении, механика сделала попытку объяснить всю совокупность явлений природы, логически развивая свои исходные принципы. Впоследствии такое сведение глобальных законов мироздания к механическим оказалось недостаточным: наука столкнулась с несводимостью более сложных форм движения к механическому перемещению и картина мира, нарисованная наукой XVII века, конкретизировалась, изменялась, дополнялась, сохраняя постоянной свою грунтровку. Ниже классическая наука рассматривается в контексте деятельности Рене Декарта, видного французского физика, философа и математика, создавшего первую научно-исследовательскую программу Нового времени. Отдельные фундаментальные утверждения и положения, сформулированные Декартом, во многом сохранились в неприкосновенности после всех достаточно серьезных преобразований, которые наука претерпевала в течение трех веков.

В ходе работы авторы пытались отыскать конкретные примеры влияния магико-герметических идей и настроений на становление философии и науки Нового времени, сравнив тексты, приписываемые легендарному древнеегипетскому жрецу Гермесу Трисмегисту, Гермесу Триждывеличайшему, и важнейшие постулаты программы Декарта. Основным источником по герметизму стало наиболее полное на сегодняшний день критическое издание “Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада”, включающее в себя переводы древнеегипетских, древнегреческих и латинских гностических текстов. Возможность подобного сопоставления дает нам факт так называемого герметического возрождения, в ходе которого были воскрешены древнейшие памятники человеческой мысли.

В XIII веке существовала только одна рукопись герметического свода с двенадцатью трактатами, которой пользовался еще Михаил Пселл, ученый – воскреситель неоплатонизма в Византии. В 1438 году в составе византийского посольства Флоренцию посетил ритор Георгий Гемистий Плетон. Имея вселенские устремления объединить восточную и западную церкви, он принес с собой учение неоплатонизма, который должен был послужить целям “эллинистической реформы западного христианства”. Его пропагандистская деятельность принесла свои плоды, и под влиянием Плетона флорентийский правитель Козимо Медичи уже после падения Константинополя основал Флорентийскую академию, поручив

подготовку переводов работ Платона и неоплатоников молодому сыну придворного врача – Марсилио Фичино, “второму отцу платоновской философии”, по определению Макьявелли.

Козимо Медичи уверился в том, что знания древнеегипетских жрецов даже важнее самого Платона, так что в 1463 году Гермес был переведен с греческого на латынь. Возрождение интереса к этим трудам было вызвано характерным для эпохи Ренессанса критическим отношением к средневековой традиции, апеллировавшей, с одной стороны, к Священному писанию, а с другой – к философии Аристотеля, что вызывало необходимость противопоставить что-либо этому авторитету средневековых схоластиков и подогривало справедливый интерес к платонизму, стоицизму, эпикуреизму. Деятели Возрождения считали Гермеса “первым философом, поднявшимся выше физики и математики к созерцанию божественного”, основателем теологии, и низводили его через Орфея, Аглаофема, Пифагора и Филолая к Платону; они переводили и комментировали герметические книги, видя в них источник философии последнего и защиту аристотелианства.

Философские идеи магиико-научного направления, разработанные Джоном Ди, Робертом Фладдом и другими учеными, были использованы Рене Декартом, работавшим в обстановке всеобщего возбуждения, которое было вызвано, в частности, открытием швейцарского филолога Исаака Казобона, доказавшего в 1614 году, что трактаты “Герметического корпуса” были записаны не ранее I века нашей эры, и постепенным отходом герметизма в “социокультурный андеграунд” тайных обществ и братств, где ему наследовали розенкрейцерство и франк-масонство, романтическая натурфилософия и теософия.

Декарт дал философское решение тех проблем, которые вставали перед его непосредственными предшественниками в разработке идей “новой науки” – Николаем Кузанским, Галилео Галилеем, – работавшими на стыке Средних веков и Нового времени и не освободившимися всецело от тех противоречий, которые заключала в себе христианско-аристотелианская схоластика. Однако при рассмотрении роли герметизма не следует забывать и о неocenимом вкладе христианской религии и философии, как католического, так и протестантского направлений, активная борьба которых также оказывала значительное влияние на мышление современников.

В своих исследованиях Декарт, решая проблему обоснования науки, обратился не к научной философии, как делали его предшественники, начиная с античных времен, а к философии религиозной, возведя науку к божественному авторитету и дав ей тем самым религиозную санкцию на существование. Вряд ли кто-либо сегодня согласится с утверждением, что современный представитель научной традиции мыслит отголосками египетской мистериологии: мы помним не о колыбели мудрости на Ниле, а именно о ее греческом осмыслении, об изяществе античных форм, а не о сумрачной тайне посвящений, связанных с именами Тота и Изиды о которых мы узнали только от Пифагора, Платона, Плотина, вероятно обучавшихся в древних мистериальных школах. И кроме легендарного Гермеса Трисмегиста мы вообще не знаем имен самих египетских мудрецов, так или иначе в значительной мере сформировавших мировосприятие современной цивилизации.

“...Кто желает быть набожным в наивысшей степени, – говорит Гермес своему ученику Тату, – тот занимается философией, ибо без философии невозможно достичь наивысшей набожности. Тот, кто познал, какие есть роды вещей, в какой они приведены Порядок, кем и по каким признакам, воздает должное Творцу за все... а воздавая должное, он будет благочестивым. А будучи благочестивым, он будет знать, где есть Истина и что она есть, и с этим знанием он становится еще более набожным”. Истинная наука – философия, по терминологии Гермеса, – происходит из религии, сливается с ней в одно целое, превращается в нее. Эта же идея сделала возможной рационализацию науки в Новое время, возникновение иного, отличного от средневекового, подхода к ее задачам, “санкционировала” появление науки в современном смысле этого слова, в современном

понимании ее целей и методов.

Метафизические законы, разработанные в “гипотезах” Декарта, были органически включены в классическую физику, став значительным вкладом в развитие науки, а обращение Исаака Ньютона к атомистической философии Эпикура, введившей понятие массы как одну из основополагающих характеристик материи, позволило превратить картезианскую картину мира в классическую ньютоновскую.